

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

Brown P. Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire. Madison (Wisconsin): The University of Wisconsin Press, 1992. 182 p.

Каждая новая работа Питера Брауна, этого всемирно признанного знатока поздней античности, является крупным событием в исторической науке, ибо, не успев появиться в свет, она уже становится классикой. Доскональное знание источников, широта мышления, преданность своему делу, подход к нему как к важному процессу самообразования – все это вместе и обеспечивает исследованиям американского ученого тот высокий авторитет, которым они заслуженно пользуются.

Именно такого рода работой является и монография "Власть и убеждение в поздней античности: к христианской империи". В основу ее положены лекции, прочитанные в университете Медисона (штат Висконсин), где когда-то начинал свою научную карьеру в Америке М.И. Ростовцев.

Книга задумана как некий синтез, осуществленный на основе обширного материала источников, многие из которых лишь недавно введены в научный оборот (например, ряд проповедей и писем Августина, последние археологические открытия, сирийские и коптские рукописи), и безбрежного моря литературы.

В монографии предпринята попытка, с одной стороны, вписать традиционную культуру старинной аристократии в социально-политический контекст эпохи, а с другой – проследить возрастающее значение христианских епископов, обусловленное не только созданием новой модели общества, но и всей эволюцией позднеантичного города. В географическом плане предпочтение отдано греческому Востоку.

Книга состоит из введения и четырех глав. Первая глава "Devoio: автократия и элита" посвящена анализу социальной и административной ситуации, в условиях которой императорская власть давала о себе знать тем, кто стремился сдержать ее нажим. В ней выявляется, до какой степени императорская администрация, хотя и значительно укрепившаяся в сравнении с предшествующими столетиями, все еще нуждалась для осуществления своих притязаний в сотрудничестве с местной знатью. Подчеркивая, что не убеждение, а власть являлась наиболее характерной чертой Поздней Римской империи, П. Браун справедливо считает, что абсо-

лютная монархия поздней античности была действительна потому, что ее адепты знали границы, в пределах которых этот абсолютизм был возможен (с. 7–9). В работе прослежено, как ужасающе активная и безапелляционная в центре имперская система управления оказывалась значительно смягченной, когда она достигала провинций.

Удаленные на значительном расстоянии от столицы, лишённые возможности поддерживать с ней постоянные связи, не уверенные даже в покровительстве тех, кто их послал, показывает автор, правители провинций поневоле были вынуждены искать союзников среди местной аристократии. Кроме того, та самая централизация, которая существенным образом сказалась на положении муниципальной знати, резонно утверждает П. Браун, в значительной степени подрывала и положение правителей провинций, во-первых, потому, что они, как правило, пребывали на своем посту весьма короткий срок (обычно меньше года), во-вторых, потому, что в результате централизации в городах создавался слой аристократии, вышедшей из бывших чиновников и обладавших поэтому многими привилегиями, а следовательно, и влиянием, и, наконец, потому, что многие провинциалы были связаны узами дружбы с влиятельными персонами при дворе (с. 13–23).

Все это, заключает исследователь, и являлось причиной того, что поставленные во главе провинций чиновники на деле оказывались людьми, обладавшими незначительным влиянием, особенно если учесть то обстоятельство, что вопреки законодательным актам, местная знать фактически управляла штатом правителя провинции (с. 22–23).

Так, показывает автор, создавалась благоприятная почва для активности старинной аристократии, диалога между ней и правителем, особенно в реализации налоговой политики императора, а это, в свою очередь, явилось основой для использования языка убеждения, облеченного, как правило, в риторическую форму. Здесь автор останавливается на важности риторики, которая являлась существенным компонентом позднеантичной политической практики, ибо она "преображала скрипящий громоздкий политический организм в возвышен-

ную музыку”, создавая могущественный образ мира, объединенного не силой, сговором или покровительством, но “древней магией греческих слов” (с. 30).

Исходя из этого, исследователь предполагает, что в условиях политической реальности Поздней Римской империи обличительные речи и письма риторов, например Ливания и Синесия, приносили мало пользы и серьезно уступали по своей значимости петициям, советам и панегирикам (с. 30–31). Таким образом, в отличие от многих исследователей, подчеркивающих конфликтность отношений между имперской администрацией и муниципальной аристократией, П. Браун смещает акцент, концентрируя свое внимание на сотрудничестве между представителями императорской власти и провинциальной элитой.

Но, может быть, истина, как это нередко бывает, где-то посередине и, может быть, процветание таких форм риторики, как энкомии и советы, объясняется не только сохранившейся влиятельностью старинной аристократии, но и авторитарностью правящей власти, не желающей, а возможно, и не способной воспринимать иной язык?

Вторая глава монографии “Пайдеия и власть” (с. 35–70) состоит из пяти разделов. В первом из них “Пайдеия”, традиционное воспитание и образование рассматривается как отличительная черта господствующего класса империи – как провинциальной знати, так и представителей имперской администрации. По мнению П. Брауна, главное значение пайдеи заключается в том, что она объединяла потенциально враждебные группы господствующего класса и существенно сдерживала вертикальную мобильность.

П. Браун, таким образом, выступает противником еще столь недавно распространенной в науке теории социальной мобильности в позднеантичном и ранневизантийском обществе. При всем том, что имеющийся в распоряжении современных исследователей материал, в том числе и данные просопографии, в самом деле свидетельствует о том, что эта концепция страдает явными преувеличениями, все же отказываться от нее полностью, на наш взгляд, нет достаточных оснований.

Дискуссионным представляется суждение П. Брауна об известной гомогенности господствующего класса империи (с. 39), ибо в его среде достаточно четко выделяются две группы: одна (олицетворением которой был Тифин из сочинения Синесия Киренского “О провидении”) – представленная лицами, стоявшими за бюрократический путь развития империи, вторая (олицетворявшаяся Осирисом из того же произведения) более тяготела к традиции и была близка по своему мировоззрению (и лишь в редких случаях по происхождению)¹ к муниципальной аристократии Востока.

¹ Изучение просопографического материала показывает, что число самих старинных аристократов в среде высшей имперской знати было ничтожно мало, а главными проводниками их влияния на высшие слои империи являлись не столько они сами, сколько представители

Во втором разделе “Магия слов” (с. 41–47) пайдеия рассматривается как важное средство связи, соединявшее, словно мостики, самые отдаленные друг от друга области обширной империи. Автор показывает, что она являлась по существу школой благовоспитанности, которая проявлялась в первую очередь к равным себе и реализовывалась в дружбе, игравшей важную роль в консолидации аристократии.

В разделе “Гнев и благопристойность” (с. 48–58) автор делает акцент на этической стороне проблемы, показывая, что традиционные воспитание и образование служили основой для сбалансирования жесткости методов правления, характерных для поздней античности. В связи с этим исследователь подчеркивает, что риторика, культивирующая принцип самоконтроля, выполняла важную функцию в формировании облика правителя. Этой же цели служила распространенная в политической лексике того времени категория “гнева”, означавшая постыдную потерю контроля над собой и сопровождавшаяся публичным проявлением злости.

Здесь П. Браун останавливается на таких важных аспектах политической практики поздней античности, как отсутствие юридических ограничений в применении насилия при отравлении власти. Не чувствуя себя защищенными со стороны закона, резонно утверждает автор, старинные аристократы и прибежали к разработке этических норм – этой единственной гарантии гуманности властей. Именно этим фактором исследователь объясняет тот факт, что при всем подъеме метафизики и мистики в ту эпоху профессиональные философы в своих руководствах для нефилофской среды в значительно большей степени уделяли внимание поведенческому идеалу, а не собственно философии. И именно по этой причине, считает исследователь, позднеантичная историография, отражавшая борьбу элиты за благовоспитанность власть предержащих, так много места уделяет морали и характеру.

Поведенческому идеалу императора посвящен раздел монографии “Императорская благовоспитанность” (с. 48–61), а в разделе “Парресья: философ” (с. 61–70) рассматривается роль философов, единственных представителей культурной элиты общества, обладавших правом свободы речи, в поддержании идеалов справедливого правления и предотвращении злоупотребления властью.

Вторая часть книги, охватывающая главы III (Бедность и власть) и IV (К христианской империи), посвящена роли церкви, в частности епископов и монашества, в жизни позднеантичного общества. Во вводном разделе третьей главы, носящем название “*Universalis via*” П. Браун сосредоточивает внимание на образе церкви, который создавали ей ее виднейшие представители. Общий путь к спасению независимо от образования, этнической и классовой принадлежности, доступная каждому мудрость, заменяющая образования, простота ис-

свободных профессий. См.: Чекалова А. А. Константинопольский сенат и сословие куриалов в IV в. // ВВ. 1992. Т. 53. С. 20–35.

тин – вот те черты христианства, как показывает исследователь, которые ставили во главу угла его адепты, что являлось в сущности не чем иным, как христианским популизмом (с. 74).

Однако популистская черта позднеантичной христианской литературы, подчеркивает автор, не может быть сведена лишь к риторике, ибо речь идет об общей социокультурной эволюции поздне-римской империи, суть которой не просто религиозный конфликт, а борьба за первенство в городе. Именно потому, что его прежние властители, старинная аристократия, действовали в рамках предписываемых традиционным воспитанием и образованием, бороться с ними пришлось не постепенно, но сразу, почти сознательным, святотатственным отрицанием традиционной культуры. Именно тем, что церковь оказалась вовлечена в борьбу за отвыивания места в верхних слоях общества, П. Браун объясняет агрессивность христианской полемики (с. 77).

В разделах “Кормилец города” (с. 78–89), “Любовь к бедным” (с. 89–103) и “Сдерживатель толпы” (с. 103–117) анализируются, сравниваются и противопоставляются друг другу античная эвергесия и христианская благотворительность, античные и христианские методы обеспечения порядка в городах IV в. Куриалы, показано в монографии, осуществляли контроль над городом с помощью унаследованного от прошлых веков хрупкого искусства первенствования в городе, которое при всем том, что еще продолжало сохранять свое значение, уже не способно было гарантировать мир и порядок в городе. Именно на эту роль и стала претендовать христианская церковь.

В христианском изображении новой функции церкви ее адепты, справедливо утверждает автор, с особой воинственностью подчеркивалось притязание церковных иерархов на то, что они действуют в рамках любви к бедным. В ходе своего анализа П. Браун приходит к выводу, что любовь к бедным явилась важной притягательной силой, прямо противоположной действительной деятельности церкви в области благотворительности; ибо, выходя за узкие рамки традиционной заботы церкви о бедняках, вдовах и сиротах, она имела прямой выход на две важные проблемы позднеантичного города: 1) кто мог наиболее эффективно мобилизовать, защитить и умиротворить низшие классы; 2) как лучше использовать в городе достояние богатых его граждан. Иными словами, в IV в. проблема любви к бедным, считает П. Браун, приобрела новое звучание, поскольку отражала деятельность церкви, касающуюся всего города в целом.

Сравнивая античную эвергесию и христианскую благотворительность, автор показывает, что, в то время как античная эвергесия распространялась лишь на город в целом и на демос как гражданский коллектив, а сами дары эвергетов были в достаточной степени формализованы, в центре внимания христианской благотворительности оказывалась беднота, которой традиционный античный город не выделял ничего; хотя благотворительность

церкви часто бывала представлена незначительными суммами, но она была регулярной и носила более конкретный характер.

Принцип любви к бедным сделал низшие классы заметным членом общества и, следовательно, более поддающимся контролю, что в условиях их достаточной многочисленности и активности было чрезвычайно важно для IV в. От имени религии, бросившей вызов ценностям старинной аристократии, христианские представители высшего класса, заключает исследователь, приобрели контроль над низшими классами города. Это, в свою очередь, справедливо утверждает он, привело к тому, что постепенно епископ как главный защитник бедноты становился и главным патроном города в целом, ибо, исходя из принципа любви к бедным, через мистическую связь, охватывающую как “народ божий” все общество в целом, церковь обрела моральное право на первенство в городе (с. 94).

Как таковая, власть епископа, прослежено в монографии, простиралась на многие сферы городской жизни и была особенно велика в моменты кризиса; церковным иерархам лучше удавалось обеспечивать мир в городах, а также гарантировать им прощение императора (как это случилось во время известного восстания в Антиохии в 387 г.) и склонять главу империи к исполнению воли своих подданных. Как неизбежное следствие этого факта стало то, что связи между отдельными городами и императорской властью неизбежно попадали в руки епископов.

Действуя зачастую в союзе с монашеством, делает вывод автор, епископы смогли продемонстрировать новую форму парресии, у которой было больше шансов на то, чтобы воздействовать на волю императора и его чиновников, чем у обладавших сдержанным воздействием людей пайдеий, ибо они говорили от лица населения беспокойных городов в момент грозящего кризиса.

Четвертая глава монографии “К христианской империи” состоит из следующих разделов: “Возвышенная философия” (с. 118–126), “Чудеса и власть” (с. 126–146), “Епископ и город” (с. 146–152) и “Сюнкатабасис: милость Божья и императорская власть” (с. 152–158). В первом из них прослеживается интеграция христианских начал восточноримским городом, создание сравнительно легким путем консенсуса между верхушкой христианского общества и старинной аристократией, имевшее место в первой половине V в. Этот консенсус, как показано в монографии, проявился в том, что христианская благотворительность принимает черты античной эвергесии, а пайдейя получает необходимое признание среди христиан. Таким образом, заключает исследователь, антигега “греческая пайдейя – христианская вера” снимается; и то и другое становится важным компонентом духовной жизни общества, более того одно (пайдейя) неизбежно ведет к другому – “возвышенной философии”.

Причину сравнительно легкого консенсуса верхушки христиан и местной элиты П. Браун видит во внешней опасности и внутренней нестабильности, проявлявшейся в мятежах различных групп на-

селения и угрозе со стороны разбойников (с. 125). Но, может быть, этот консенсус был обусловлен и тем, что куриалы, стремясь сохранить себя и свое положение, сами пошли навстречу христианам и постарались занять в их среде достаточно высокое место. Здесь, пожалуй, уместным будет вспомнить и о той борьбе, которая велась в городе между старинной аристократией и новой военно-чиновной знатью² и которая, по всей видимости, имела свое влияние на создание союза местной аристократии с епископской властью, что достаточно ясно видно на примере Синесия Киренского.

В разделе "Чудеса и власть" рассматривается христианский образ эпохи, создававшийся выразителями упомянутого консенсуса – церковной историографией и агнографией. Здесь автор резонно замечает, что борьба между христианством и язычеством в IV в. если не выдуманна, то в сильной степени преувеличена с тем, чтобы убедить язычников в том, что была война, которая оказалась ими проиграна (с. 128). Несмотря на использованный христианами принцип умалчивания, скрупулезное изучение источников и их тщательный анализ позволили автору прийти к обоснованному выводу о том, что язычество удержалось в империи вплоть до VI в. и, следовательно, христианский образ императора и общества не давал всеобъемлющей картины позднеантичного общества; иными словами, образ и реальность не совпадали.

Вместе с тем П. Браун подмечает, что было в церковной историографии нечто важное, что объективно отражало не только политические представления, но и политическую реальность того времени. Этим важным компонентом христианской литературы был образ императора, чья преданность вере, а не пайдейя должны были принести благоденствие империи через благословение Господне; масса чудес и чудотворцев, связанных с личностью императора являлись очевидными знаками этого благословения.

В V в. к этому образу императора, показывает автор, были добавлены такие существенные черты, как его связь с христианскими подданными, его доступность, подвластность чувству милосердия, ревность в благочестии. Вера в то, заключает

П. Браун, что христиане имеют доступ к власти и мущим, наносила удар политеизму более эффективно, нежели любой императорский закон или открытие храма; ощущение того, что представители церкви были в состоянии прийти в соприкосновение с носителями власти на любом ее уровне, в существенной степени способствовало тому, что средиземноморский мир медленно, но верно обращался в христианство (с. 136).

Не разделяя языческих сомнений в автократии, христианские писатели и лидеры христианства являлись горячими сторонниками и теоретиками монархии, освященной свыше – таков один из главных итогов исследования П. Брауна. Более того, как показано в монографии, христиане в лице епископов (см. раздел "Епископ и город") являлись и умелыми посредниками между автократической властью и городами: защита их, поддержание в них закона и порядка, связь с центром осуществлялись через епископов, которым удавалось порой умело склонять его на свою сторону (с. 148–152).

Притязания епископов на первенство в городе, выявлено в монографии, базировалось на новой модели общества (см. раздел "Сюнкатабасис: милость Божья и императорская власть"). Эта модель, показывает автор, игнорировала древнее деление общества на граждан и неграждан, город и деревню. Любовь к бедным, христианское сострадание являлись основой новой формы социальных связей, базирующейся на общности человеческой природы: как все равны перед Богом, так все беспомощны перед земной властью, от которой ждут милосердия. Мистические нити, подчеркивает исследователь, связывают каждого жителя империи с императором, который, несмотря на свое величие, был одной плоти с подданными (с. 155).

В заключение хотелось бы отметить, что рецензируемая книга не только значительное научное, но и прекрасное по своим литературным данным произведение. Глубина мысли, изящество формы, отношение к читателю как к искреннему другу, а к коллегам как к истинному научному братству – не в этом ли секрет успеха П. Брауна?

А. Чекалова

Harvey A. *Economic expansion in the Byzantine Empire 900–1200*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. XX, 298 p.

На первый взгляд монография А. Харвея "Экономический подъем в Византийской империи. 900–1200 гг.", в основу которой положены материалы докторской диссертации ученого, написана в полном соответствии с канонами современной западноевропейской византинистики. Прежде всего об этом свидетельствует структура исследования,

где на первый план вынесена проблема ранневизантийского периода истории империи; в главе о демографии ее анализ тесно связан с изучением социальных отношений; одно из главных мест отведено рассмотрению налогообложения и денежного обращения; очерку сельскохозяйственного производства воследуют главы об образцах присвоения и взаимосвязях города и деревни. Казалось бы, читателю достаточно заглянуть в Заключение книги, чтобы ознакомиться с ее выводами. Однако научное мировоззрение и методологические принципы исследователя побуждают к оценке подлинного значения созданного им труда. На примере моно-

² См., например: *Сюзюмов М.Я.* Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV в. // Уч. зап. Уральского гос. ун-та. 1952. Вып. 11. С.84–134.